

отражение в наименованиях. В сказках наибольшее распространение получила идея называния свиньи по ее развитой плодородности, что соответствует и символической роли животного. Наименования *боров* и *поросенок* используются согласно своему этимологическому значению. Несмотря на полезность, приносимую свиньями в хозяйстве, они не пользуются любовью людей, и это отражается на их нераспространённых наименованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1993.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М., 1964-1973.
3. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1910-1914.
4. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка (в четырех томах). – М., 1956.
5. Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М., 1960.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева (в трех томах). – М., 1984-1985. В скобках том и

страницы указаны по этому изданию.

7. Гримм Я., Гримм В. Собрание сочинений (200 сказок). Пер. под ред. П.Н. Полевого. Печатается по изданию: «Сказки, собранные братьями Гримм». – СПб., 1895. Изд. «Алгоритм», 1998.

U. Tomova

ON FEATURES OF THE NAME OF A PIG IN FAIRY TALES (ON THE COLLECTION OF RUSSIAN NATIONAL FAIRY TALES UNDER A. AFANASEVA'S EDITION, WITH ATTRACTION OF GERMAN FAIRY TALES)

Abstract. Ways of the name of a pet of a pig in Russian national fairy tales from the point of view of etymology and symbolics of names, interrelation of an etymological word meaning a pig and the symbolical role of an animal which are carried out by it in representation of the people are considered. The motivation of symbolical value and etymological value is proved.

Key words: etymology, the name, word, symbolical role, fairy tale, pig, fertility.

УДК 81.367.622.12

Шорникова И.А.

УПОТРЕБЛЕНИЕ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ КАК СПОСОБ СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ*

Аннотация. В центре внимания этой статьи находится проблема экспрессивного употребления имени собственного во множественном числе в газетном дискурсе. Рассматривается процесс перехода онимов, употребленных во множественном числе, в апеллятивы как способ создания дополнительной экспрессивной характеристики объекта. Уделяется внимание роли лексического окружения и дискурса в этом процессе.

Ключевые слова: имя собственное, множественное число, экспрессия, деонимизация, дискурс.

Не вызывает сомнений, что основополагающим отличием имен собственных от имен нарицательных является их соотносительность с одним конкретным объектом действительности. В «Словаре русской ономастической терминологии» Н.В. Подольской отмечено, что **оним** (онома, собственное имя) – ‘слово или словосочетание, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других

объектов: его индивидуализации и идентификации’ [1]. Дифференциация онимов и апеллятивов выражена на разных уровнях языка. В нашем исследовании мы рассмотрим грамматический.

Как правило, у большей части имен нарицательных есть формы и единственного, и множественного числа, а имена собственные имеют только какую-то одну форму, чаще – единственного числа. Это отвечает их функции: называть единичный объект. Известны случаи употребления имени собственного во множественном числе: *Альпы*, *Маниловы*. Не противоречит логике оним в форме plural, если он объединяет несколько реальных объектов, мыслящихся, как целое (*Альпы*), имеет иноязычное происхождение (*Хельсинки*) и в некоторых других случаях. Если имя собственное, стоящее во множественном числе, отсылает нас не к единичному объекту, а к группе объектов, можно говорить о несвойственной ему функции. А.А. Белецкий предложил разделить все онимы с этой точки зрения на:

- 1) унинумеральные (только в единствен-

* © Шорникова И.А.

ном или только во множественном числе);

а) сингулярные (только в единственном): *Москва*;

б) плюральные (только во множественном): *Афины*;

2) амбинумеральные (употребляемые в обоих числах): *Иванов, Ивановы* [2].

Один из исследователей этого вопроса Л.Д. Чеснокова объединяет случаи употребления имен собственных (правда, только на примерах антропонимов) во множественном числе в пять тематических групп: 1) родственники; 2) однофамильцы; 3) тезки; 4) разные лица, имеющие общий признак в характере, поведении (*Маниловы, Обломовы*); 5) имена, типичные для определенной страны или социальной группы (*русские Иваны*) [3].

Отто Есперсен предлагает более широкую классификацию, охватывающую не только антропонимы:

1) конкретные предметы или лица, которые более или менее случайно обозначаются одним и тем же названием: *Я не был ни в одном из американских Римов; В нашей компании было три Джона и пять Мери*;

2) члены одной семьи: *У всех Тимперле-ев длинные носы*;

3) лица или предметы, сходные с лицом или предметом, носящим данное имя: *Эдисоны и Маркони могут потрясти мир изобретениями; Скалистые горы в Канаде рекламируются как пятьдесят Швейцарий вместе взятых*;

4) в результате метонимии имя собственное может употребляться для обозначения произведения, созданного автором, носящим это имя: *В этой галерее два Рембрандта* [4].

С формальной точки зрения унумеральность онимов (как сингулярная, так и плюральная) является нормой, ибо, как мы уже упоминали, это отвечает их основной функции выделения единичного объекта, а вот амбинумеральность – исключение. В том случае, если в реальности существует два объекта и более с одинаковым именем, формально употребление обоих чисел также оправдано (в примерах у Чесноковой случаи 1), 2), 3), у Есперсена – 1), 2)); однако если эти объекты носят разные имена, но по каким-то признакам объединяются одним, налицо противоречие, которое и создает в тексте экспрессию.

Наши наблюдения относятся к случаям, обозначенным в классификации Л.Д. Чесноковой в пункте 4), а у О. Есперсена в пункте 3), которые выделяют употребление имени собственного во множественном числе при характеристике группы лиц или предме-

тов, обладающих сходными чертами.

В теории фигур такое явление носит название **антономазия** (вид метонимии, употребление собственного имени в значении нарицательного), в ономастической терминологии – **деонимизация** (апеллятивация) – ‘переход онима в апеллатив без аффиксации’ [5].

Иллюстративный материал для анализа был отобран из газеты «Смоленская правда», так как публикуемые в ней тексты в основном относятся к политическому дискурсу, где одной из главных является функция убеждения, поэтому экспрессивность текстов довольно высокая.

В примере *Американизированная зондер-команда карауловых, познеров, сванидзе оседлала командные высоты на телевидении, радио, в прессе* [6] антропонимы уже не отсылают читающего к какому-то конкретному единичному объекту, они определяют неназванных лиц по характеру апеллятивной лексики. Как это становится возможным?

Возникая лишь для обозначения некоторого предмета или лица, выделения его из ряда других, собственные имена в процессе своего бытования как бы «вбирают» в себя разнообразные элементы содержательного знания о предмете. Их понятийное ядро формирует информация о носителе (энциклопедическое знание о денотате), поэтому, когда оним употребляется в несвойственной ему функции апеллятива, возникает возможность использовать в качестве сигнификативного значения наиболее яркий признак, ассоциативно связанный с именем собственным.

В дискурсе партии КПРФ (именно ему принадлежит анализируемый источник) фамилии **Караулова, Познера и Сванидзе** традиционно связаны с восприятием враждебного лагеря, поэтому автор описывает подразумеваемых лиц как сторонников определенных политических взглядов и линии поведения, характерных для названных общественных деятелей, и дает им негативную оценку. Она выражается и в использовании опорного слова-детерминанта **зондер-команда**, вызывающего отрицательные ассоциации (во время нацистского режима в Германии **зондер-команда** – карательный отряд, сформированный из заключенных концлагерей, отличавшийся особой жестокостью).

Конкретизирует ассоциативное поле, связанное с именами известных деятелей, привносит отрицательную коннотацию сочетание слов **тому подобных захребетников** в следующем примере: *Причем если раньше на-*

родные деньги шли в бюджет города, области, государства, то теперь мы будем отдавать их в карман новоявленных абрамовичей, потаниных, деренковских, хвостанцевых и тому подобных захребетников [7]. В одном ряду употреблены уже ставшие прецедентными в масштабах России фамилии олигархов **Абрамовича** и **Потанина** и «олигархов местного масштаба» **Деренковского** и **Хвостанцева** (в то время депутата Госдумы от Смоленской области и генерального директора ОАО «Смоленскэнерго» соответственно); этим подчеркивается негативное отношение к их способу создания капитала. Осуждение подразумеваемых лиц усилено семантикой слова **захребетник** ('тунядец, бездельник, живущий на чужой счет, чужим трудом' [8]).

Следует обратить внимание на то, что обычно оним называет конкретное лицо или объект; в приведенных же примерах номинируемые лица остаются неизвестными, неизвестно даже их количество, дано только общее представление об их характере. Это еще раз подтверждает утрату онимом во множественном числе функции выделения и приобретение им функции обобщенного наименования (как у апеллятивов).

В примере *Надежда на лучшее, свойственная нашему народу, позволяет продвигаться различным жириновским* [9] идею множественности и неоднородности называемых объектов подчеркивает слово **различные**, которое вновь отсылает читателя не к конкретному лицу, а к неопределенной в количественном отношении группе лиц, обладающих качествами, характерными для **Жириновского**. К тому же семантикой слова **различный** окончательно стирается индивидуализация объекта – он вводится в ряд подобных, обезличивается.

Деонимизация не всегда несет в себе негативную коннотацию, но она всегда экспрессивна. Иллюстрирует это утверждение пример *Это Знамя Советов пылает огнем, / Освещая просторы австралий и азий* [10], где множественное число топонимов расширяет географические пределы, которые изначально определялись единственным числом слов **Австралия** и **Азия** (и очерчивали определенное географическое пространство), придавая высказыванию патетичность.

Стоит отметить, что деонимизация возможна не только путем использования множественного числа у имен собственных, что демонстрирует следующая иллюстрация: *Не менее убедительно пелись автором хвалебные оды и предшественнику нынешнего*

губернатора **А. Прохорову**, «Человеку года 1998», не говорю уже о ярлом «демократе», соратнике **Новикова**, **наполеончике В. Фатееве**, победителе 1991г. [11].

Функции, которые выполняет в данном примере оним **наполеончик**, идентичны описанным выше, с той лишь разницей, что определено количество характеризующих лиц.

Итак, мы проанализировали случаи использования имени собственного во множественном числе и пришли к следующим выводам:

1. Оним может употребляться как только в какой-то одной форме числа, так и в обеих формах, причем не всегда эти формы экспрессивно окрашены.

2. Экспрессивную коннотацию несут в себе формы множественного числа имен собственных, если в реальности они не называют лица или объекты с одинаковыми именами, а служат для них обобщенным наименованием, объединяя их в каком-то отношении (антономазия, или деонимизация, метонимический перенос).

3. При деонимизации имена собственные теряют функцию выделения и приобретают функцию обобщения, свойственную апеллятивам.

4. Обобщение происходит по признаку, ассоциативно наиболее сильно связанному с онимом.

5. Характеристика при помощи деонимизации может уточняться словами-детерминантами.

6. Деонимизация может происходить не только в формах множественного числа онимов, но и в формах единственного числа, разница в том, что в первом случае без цифровых конкретизаторов количество характеризующих лиц неизвестно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978. – С. 95.
2. Белецкий А.А. Лексикология и теория языкознания (Ономастика). – Киев, 1972. – С. 152.
3. Чеснокова Л.Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М., 1991. – С. 23.
4. Есперсен О. Философия грамматики. – М., 2002. – С. 75.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978. – С. 54.
6. «Смоленская правда», № 45 (349), 16 ноября 2006 г.
7. «Смоленская правда», № 45 (349), 16 ноября 2006 г.
8. Ожегов С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995. – С. 219.
9. «Смоленская правда», № 6 (300), 16 февраля 2006 г.

10. «Смоленская правда», № 6 (300), 16 февраля 2006 г.
 11. «Смоленская правда», № 5 (299), 9 февраля 2006 г.

I. Shornikova

USING OF PROPER NAMES IN PLURAL FORM AS ONE OF THE WAY TO CREATION OF EXPRESSION IN THE NEWSPAPERS TEXT

Abstract. The focus of the author's attention in this article is concentrated upon the

problem of the expressive usage of proper names in the plural form in the newspaper discourse. The process of transference of proper names, used in the plural form, to common nouns is considered as one of the ways to creation of an additional expressive feature of the object. The author pays attention to the problem of the role of the lexical surrounding and discourse in this process.

Key words: proper name, plural form, expression, deonymisation (transference of proper names to common nouns), discourse.

УДК 811.161.1

Щемелинина И.Н.

ГЛАГОЛ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ ЕДИНИЦА
 ДЕЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ В ЯЗЫКЕ СОЧИНЕНИЙ Г.К. КОТОШИХИНА
 «О РОССИИ В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА»*

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу глагольных форм с точки зрения их образования и функционирования в деловом стиле XVIII века. Статья ставит своей целью выяснение и описание функционального поля глагольных форм, отражающих деловое содержание в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

Ключевые слова: аорист, имперфект, плюсквамперфект, перфект, инфинитив, контаминация.

В последние десятилетия появилось много исследований, посвященных изучению языка письменных памятников делового содержания XVII века, что доказывает недостаточную изученность этого пласта письменности в XX веке, а также литературно-языковой дуализм эпохи становления русского национального языка. Особенно наглядно это обнаруживается в области глагольных форм, где сложной, церковно-славянской по своему происхождению многочисленной системе прошедших времен (аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект) книжно-литературных текстов была противопоставлена ориентированная на живую речь и близкая современной система глагольных форм, реализуемая в языке деловой документации [Рюмина: 1971, 42].

Формирование национальных отношений, важной основой которых является единство языка и закрепление его в единой литературе, создает во второй половине XVII века кризисную ситуацию для книжно-славянского типа литературного языка, основанного на старославянском языке, так как он оказался в противоречии с развивающимся национальным самосознанием носителя русского языка. Противоречие это преодолевается к середине XVIII столетия, однако конкретные пути ликвидации позднесредневекового письменно-языкового дуализма на таком непродолжительном временном отрезке во многом остаются невыясненными.

Анализ языковых особенностей сочинения приказного служащего Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (1666–1667) обнаруживает неоспоримые доказательства для освещения этого вопроса. Из всех исторических записок, как русских, так и иностранных, имеющих своим предметом описание внутреннего быта Московского государства в XVII веке, на первое место, без сомнения, должен быть поставлен этот труд.

С учетом того, что «решающее слово при определении языковой системы письменного текста остается за показаниями грамматического уровня» [Хабургаев: 1971, 66], остановимся на характеристике используемой Котошихиным системы глагольных форм – того звена морфологической системы, где

* © Щемелинина И.Н.